

Валентин Толстых. Вы что, боитесь Зиновьева?¹³

Приближается событие — 70-летие выдающегося русского философа и писателя Александра Александровича Зиновьева, которое было бы непрослительно не заметить и не отметить. Когда Зиновьева вместе с семьей изгоняли из страны, никто, насколько помнится, не протестовал, не возмущался и не требовал от властей прекратить преследование этого честного ученого и мужественного человека. Сейчас, казалось бы, времена изменились. Но, видимо, не настолько, чтобы с уважением и вниманием отнестись к любой серьезной, но противостоящей господствующему умонастроению позиции и точке зрения по вопросам, имеющим для страны и общества поистине судьбоносное значение. С воззрениями Александра Зиновьева можно спорить и не соглашаться, но нельзя не считаться. Этим руководствовалась редакция, публикуя полемическую статью доктора философских наук Валентина Толстых.

I

Странная, загадочная ситуация возникла вокруг имени и творчества Александра Зиновьева. Уже не замалчивают, издают: опубликованы знаменитые «Зияющие высоты», принесшие ему мировую славу и послужившие поводом для властей, чтобы выдворить его из страны (1976), а также «Гомо советикус» и «Пара беллум», «Иди на Голгофу», «Живи», «Катастрофка», «Манифест социальной оппозиции» и другие сочинения. Были интервью, статья в «Комсомольской правде», вызвавшая солидарные и раздраженные отклики, и телепередача была попыткой нарисовать портрет одного из замечательных представителей нашей отечественной интеллигенции.

И вместе с тем приходится констатировать, что Зиновьев остается малоизвестным автором. У нас, на Родине, а не на Западе, где как раз его знают, беспрепятственно издают, ком-

¹³ Независимая газета, 29.09.92.

ментируют и оценивают, где о нем спорят. Дело в том, что неизвестными нашему читателю остаются его наиболее важные, принципиальные для характеристики гражданской и научной позиции сочинения: «Нашей юности полет», «Сила неверия», «Коммунизм как реальность (или: «Коммунизм без маски)», «Кризис коммунизма» и др. Не говоря уже о недавно написанной «Смуте», которая вот-вот выйдет во Франции и представляет собой объемное художественное, социологическое и остропублицистическое изображение современной смуты. Все эти произведения лежат на столах разных издательств и журналов, но, судя по всему, разрешенной свободы недостаточно, чтобы их опубликовать.

Согласитесь, ситуация требует объяснения. Складывается впечатление, что Зиновьева явно побаиваются, не решаются вступить с ним в прямой диалог, чтобы обсудить его нетрадиционные взгляды, его оценку происходящих у нас разрушительных процессов. Позиция Зиновьева настолько отличается от всех без исключения программ и взглядов — официальных, и всего спектра оппозиционных, — что нынешние политические лидеры предпочитают делать вид, будто ничего иного, кроме их «взаимоисключающих» (на самом деле взаимодополняющих) устремлений и воззрений вообще не существует. Что, впрочем, не мешает им использовать, искажая и включая в свой, чуждый зиновьевским взглядам контекст многие идеи нашего выдающегося социолога, как водится, без ссылки на него. Политиков понять можно: Зиновьев с его обоснованной позицией, логикой и неоднозначным толкование сложных исторических явлений и событий только мешает им самоутвердиться любой ценой. Но то, что его не замечает наша достоправная интеллектуальная элита, — непонятно и прискорбно. Кому-кому, а уж интеллектуалам нашим, столь активно, страстно, яростно бросившимся вновь переустраивать и обустраивать Россию, кажется, Зиновьева подарила сама судьба. Обратись они к нему — глядишь, обнаружилось бы, что идейная жизнь борьба, в обществе давно вышли за пределы поднадоевшего, политизированного деления на «наших» и «не наших», «партократов» и «демократов», сторонников и противников реформ. Ведь в реальности мы имеем дело с противоборством трех основных идей или идеологий: национальной (и националистической), либерально-демократической (и псевдо- демократической), социалистической (и квазикоммунистической). И незачем упрощать сложную, многозначную картину реального состояния общественного сознания, если, конечно, всерьез намерены расстаться с укоренившейся привычкой выдавать желаемое за сущее.

Политиканствующие интеллектуалы (везде, где можно обойтись без обязывающего ко многому понятия «интеллигент», мы постараемся его не употреблять) навязали нам мнимую проблему «согласия-несогласия» с реформами. Как будто найдется в обществе хоть один здравомыслящий человек, не согласный с тем, что меняться надо и придется. В то время как сама проблема и спор давно переместились в иную плоскость — ради чего и во имя кого реформы проводятся, осуществляются. И упираются в еще более каверзный вопрос: на что Россия с ее великим и весьма противоречивым прошлым (на чем Зиновьев настаивает) готова пойти, и что ей, стране со своим уникальным опытом, традициями и менталитетом, явно не подходит, чему она упорно, заставляя многих мыслящих людей разводиться в недоумении руками, сопротивляется? Зело крепок этот орешек — Россия, — оказавшийся не по зубам и нынешним реформаторам, порешившим единым махом, разрушая и сметая все на пути, разрешить узел скопившихся в ней противоречий и проблем. Им невдомек то, что тонко чувствовал и понимал А. И. Герцен: «Ни одна основа из тех, на которых покоится современный порядок, из тех, которые должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтоб ее достаточно было вырвать силой, чтоб исключить из жизни». Это относится и к государству, и к менталитету, традициям, нравам народа. С Россией нельзя так поступать, как с нею сейчас поступают, опять, в который раз, подвергая ее групповому изнасилованию, очередному социальному эксперименту с непредвиденными последствиями.

Многих читателей сбивают с толку некоторые «странности» зинovieвского восприятия и истолкования отечественной действительности в прошлом и настоящем. Однако, если внимательно вдуматься в то, что он пишет и говорит, эти странности находят вполне рациональное объяснение. Кто-то, торопясь и уходя от серьезного разговора, сочтет эти объяснения всего лишь декларациями, «утверждениями, не имеющими научного значения», как высказался на заседании клуба «Свободное слово «известный профессор социолог, а кто-то посчитает их просто «вредными» и потому недостойными популяризации (хотя почему-то никого не смущает декларативный характер настойчиво воспроизводимых суждений о рынке и демократии в России, и все, как сговорились, упускают из виду, что вредоносными могут оказаться не только прокоммунистические, но и антикоммунистические соображения).

Так, недоумевают, отчего это один из первых беспощадных критиков сталинизма и практики «реального социализма» вдруг в самом начале перестройки как бы меняет вектор критики и с тем же темпераментом и страстью начинает настраивать на незрячности и Октябрьской революции, и всего того, что она произвела, породила, не обходя, не утаивая ни одного зловещего факта и события советской истории. Очень многих раздражает, ставит в тупик то обстоятельство, что Зиновьев находит логику и даже оправдание тому, что нынешние интеллектуалы-демократы, в большинстве своем вчерашние апологеты или конформисты, поднаторевшие в компромиссах с официальной идеологией, с такими поразительным единодушием, легкостью и лихостью в мыслях необыкновенной, безоговорочно осудили и отринули. Что Зиновьев, изображая реальность коммунизма такой, какая она есть, считает похороны коммунизма, мягко говоря, преждевременными. Да, сегодня коммунизм разгромлен (во многом благодаря Западу, выигравшему «холодную войну»), но он отнюдь не побежден. И это, уверен Зиновьев, скоро обнаружится со всей очевидностью.

Может быть, он и не прав в своем «зловещем прогнозе». Так разберите его аргументы, покажите их несостоятельность, «декларативность».

Многие смущены, озабочены странной, как представляется на внешний взгляд, объективистской манерой изложения «подачи» Зиновьевым своих взглядов и оценок. Но за этой манерой скрывается совершенно определенная методология, в которой на первый план выходит сам предмет исследования, а не самовыраженческое начало, воцарившееся сейчас и в общественных науках, и в искусстве. Мы настолько отвыкли от объективности в научном и художественном воспроизведении реальности, заклеив объективность как «старомодность», что любое объемное, сотканное из живых противоречий изображение путаем с апологетикой или, в чем еще подозревают Зиновьева, с тягой к парадоксальности. Зиновьева то и дело упрекают в апологии коммунизма и отсталости России. Но он отнюдь не апологет ни царской России, ни большевистского Советского Союза, и если собрать воедино все его характеристики «родимой стороны», ее прошлого и настоящего, то надо будет признать, что он в своих обличениях преуспел много больше теперешних, свободных от цензуры и столь осмелевших критиков-обличителей. Верно, по какой-то причине он не торопится безоговорочно осудить всю советскую историю, предлагая свой, не «говорухинский», ответ на вопрос, какую Россию мы потеряли. Его больше интересует обнаружение причин и обстоятельств, по которым реальная история России сложилась так, а не иначе. И в своих выводах и оценках он достигает впечатляющих, а для кого-то обескураживающих результатов.

II

«Я — отдельное государство!» — определил себя и свою позицию Александр Зиновьев, защищая выстраданное им право на предельную, какая только возможна в наше время, самостоятельность и независимость своих суждений, оценок, поведения. Идея суверенного «внут-

ренного» государства, состоящего из одного человека, которую исповедует Зиновьев, очень точно характеризует его образ жизни и мышления. Настаивая на своей суверенности, он не бравирует и никого не эпатирует — таков он и есть на самом деле. И в этом смысле мне не с кем его сравнивать, сопоставлять. Разве что с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, принимая во внимание все различие в их позициях. Пожалуй, только Зиновьев был бы способен поступить так же, как Сахаров, выйдя на известную трибуну и под улюлюканье готового «поддакивать» зала, сказать все, что хотелось ему сказать. Нет обстоятельств и соображений, которые могли бы ему «заткнуть рот», «выкрутить руки», помешать высказаться начистоту, не ожидая более благоприятного момента.

«Не могу молчать!» Что бы там ни было и что бы ни грозило — этот благородный принцип настоящего русского интеллигента стал натурой Зиновьева. Не молчал он во времена так называемого «застоя», беспощадно вскрывая противоречия и пороки советского общества, не молчит и сейчас, обнажая прелести «демократического обновления».

В сущности, ничего исключительного в зиновьевском способе мыслить и поступать нет. Это есть норма бытия и поведения интеллигента и интеллектуала, достойных этого имени. Но когда слишком многие до нормы не дотягивают, тот, кто ее держит и выдерживает, невольно выглядит либо героем, либо раздражающим всех отклонением, чем-то вроде укора, напоминающего каждому о его собственном несовершенстве и несостоятельности. Если понадобится, Зиновьев сумеет убедительно «отчитаться» в содеянном за свою долгую и нелегкую жизнь (а тем, кто по нашей «совковской» привычке заденет его нехитрым приемом — «хорошо тебе рассуждать там, на Западе!» — докажет, что завидовать тут нечему). Иметь большой талант — всегда беда и горе, особенно в стране, где в гении «производят», как в генеральский чин, где гениями «назначают», где своих «пророков» не любят и не ценят. Во всяком случае — при жизни. В своих социологических романах и научных трактатах Зиновьев образно и логически показал, что коммунизм в принципе враждебен свободной личности, своеобразию, гениальности. И все-таки вопреки всему, исключительные личности, таланты и гении появляются и в этом обществе. В подтверждении тому — сам Зиновьев, уникальность которого несомненна. Он верен добровольно избранной им когда-то роли социального критика, соединив в себе выдающийся талант философа, логика, писателя и художника (приближающийся юбилей позволяет и обязывает сказать об этом со всей определенностью). Это всесторонне одаренная и удивительно цельная личность, органически не способная подлаживаться, принаравливаясь к обстоятельствам, конъюнктуре и власти, кому бы она не принадлежала. Зиновьев на равных говорит и с Богом, и с Дьяволом в лице традиций, привычек, мировоззренческих систем, государственных и общественных институтов.

Понятно, почему он решительно отрешивается от принадлежности к диссидентству. Зиновьев никогда, ни минуты не был диссидентом, отвергающим или ниспровергающим существующий общественный строй, но всегда был инакомыслящий, оппонентом власти и власть имущих — интеллектуально, идейно и социально. Инакомыслием, по мнению Зиновьева, в доперестроечные времена были заряжены и заражены все слои общества: и антисталинисты, пострадавшие больше, чем диссиденты «застойного» периода, и либералы, и некоторые партийные функционеры, чувствующие неотвратимость и опасность приближающегося кризиса. Все дело, однако, в качестве и содержании инакомыслия: насколько способно оно сохранить объективный взгляд на действительность, понять причины кризиса социальной системы. Инакомыслие порой (очень часто!) принимают форму неотрефлексированных эмоций, разгула, «гуляй-поля», который мы сегодня и наблюдаем. Зиновьев решительно против идеологического цинизма во всех его проявлениях и модификациях. С одинаковым недоверием относится он к «правым» и «левым», «радикалам» и «либералам», прячущим свой конформизм (соглашательство, а то и прямое предательство) в новомодные одежды «сторонников» и «противников»

реформ. Он продолжает и развивает унаследованные и идеи, выношенные, выстраданные передовой общественной мыслью, настоянные на чувствах животворного, не обязательно «квасного», патриотизма, уважения к историческому опыту великой страны, традициям и ценностям ее культуры, подменяемой ныне «имитацией цивилизованности». Позволю себе еще раз процитировать слова А. И. Герцена (из написанных незадолго до кончины писем «К старому товарищу»), как будто для наших дней предназначенные: «Процессы общественного роста, их отклонения и уклонения, их последние результаты до того переплелись, до того неразымчато вошли в глубочайшую глубь народного сознания, что приступ к ним вовсе не легок, что с ними надобно считаться — и одним реестром отрицаемого, отданным, как в «приказе по социальной армии», ничего, кроме путаницы не сделаешь».

III

Сегодня, когда судьба России, увы, мало кого волнует, когда многие интеллектуалы, «мыслящая часть» общества, судя по всему, примирились и согласились с тем, что Россия в историческом смысле этого понятия исчезает, перестает существовать, а ее великая культура рискует раствориться в мировой цивилизации, в которую мы намерены войти, влиться, кажется, любой ценой — понимание того, что есть Россия, ее силы и бессилия, рассудка и предрассудка, приобретает, без преувеличения, первостепенное значение. Без ответа на это вопрос невозможно решить, какой рынок нам нужен и какая демократия у нас возможна. У России, что бы там не говорили и не предпринимали разного рода «реформаторы», свой путь; и для того, что бы стать страной цивилизованной, ей вовсе не обязательно превращаться в «Запад». Пушкинская формула «войти в Европу и остаться Россией» отнюдь не устарела, как пытаются внушить нам многие «свободомыслящие» демократы. Чтобы это понять, осознать, достаточно непредвзято, объективно, с учетом всей многосложности и противоречивости оценить место и роль России в истории мировой цивилизации.

Скажем, так, как это делает Александр Зиновьев, который в равной степени критичен и к апологии коллективности в ее российском и советском вариантах, и к западноевропейскому культу индивидуализма. Или к проблеме тоталитаризма и демократии, на поверхностном противопоставлении которых ныне произошло немало спекуляций. О многом можно поразмышлять и поспорить более основательно и ответственно, читая Зиновьева, нашего замечательного соотечественника, внесшего выдающийся вклад в развитие русской общественной мысли. С ним, человеком, мыслящим в масштабе мировой истории, далеким от политиканства и идейного юродства, говорить и спорить трудно, но интересно. Так давайте воспользуемся этой редкой возможностью...

Мы однажды уже совершили безнравственный поступок: не защитили Зиновьева в трагические для него годы и дни преследования, а затем высылки из страны, которую он в молодости защищал с оружием в руках от нацистского нашествия. Неужели мы отречемся от него и предадим его во второй раз? Давайте поговорим, поспорим с ним открыто и честно. Александр Зиновьев к этому готов. А мы готовы ли?..

P.S. Статья была подготовлена, когда стало известно, что 23 сентября в Риме в присутствии председателя сената Джовани Спадолини А. А. Зиновьеву была вручена одна из самых престижных литературных наград — премия «Тибр». Среди отмеченных этой премией в прошлом были итальянец Альберто Моравиа, француз Жан-Поль Сартр, американец Артур Миллер. Александр Зиновьев — первый русский писатель, удостоенный этой премии. Так отмечен его роман «Живи!», изданный в переводе на итальянский в этом году. Впервые на русском роман вышел в Швейцарии в 1989 году, а в России — в журнале «Звезда» в 1991 году. Высокое

жюри отметило, что этим произведением Александр Зиновьев подтверждает творческую мощь своего дарования, впервые покорившего Запад еще в 1976 году своими неувядающими «Зияющими высотами». Не ведая того, жюри присудило Зиновьеву премию накануне его юбилея. В интервью итальянским масс-медиа писатель с горечью отметил, что они за последние дни опубликовали больше рецензий на это роман, чем печать его родины — России — за все двадцатилетие его литературного творчества. Таково самое свежее подтверждение справедливости вопроса, поднятого в нашей статье.